А. А. Гацкан

ОСМЫСЛЕНИЕ НАЦИСТСКОГО ПРОШЛОГО СКВОЗЬ ПРИЗМУ «ЦАРЯ ЭДИПА» СОФОКЛА В ОДНОИМЁННОЙ ПОВЕСТИ Ф. ФЮМАНА

*Белорусский государственный университет, г. Минск;
imsanchesgatskan@gmail.com;
науч. рук. – Ю. Г. Курилов, канд. филол. наук, доц.*

Произведения Франца Фюмана (Franz Fühmann, 1922–1984) отличаются своим автобиографизмом и часто содержат в себе элементы мифологии и сказки. В данной статье рассматривается повесть «Эдип-царь» (König Ödipus, 1966) немецкого автора, юношеские годы которого пришлись на время правления Гитлера. В исследовании представлено детальное рассмотрение мышления молодых людей, сформировавшегося под влиянием нацистской пропаганды.

Ключевые слова: интерпретация; литература XX в.; литература ГДР; миф; проблема вины.

Франц Фюман родился 15 января 1922 г. В возрасте семнадцати лет он записывается добровольцем в вермахт, но в 1939 г. его не туда не берут. Позднее его призвали на фронт, но писатель не принимал непосредственного участия в боевых действиях, т. к. был связистом. С войсками он побывал в Греции, что очень сильно повлияло на дальнейшее творчество Ф. Фюмана [1].

Повесть «Эдип-царь» (König Ödipus, 1966) Ф. Фюмана (Franz Fühmann, 1922–1984) непосредственно связана с трагедией Софокла «Царь Эдип»: об этом напрямую говорится в произведении. Два немецких солдата решают поставить её, чтобы сблизить народы Германии и Греции. В самой повести пьеса так и не была поставлена, однако вопрос вины и причины самонаказания Эдипа встаёт на первое место. Фюман практически показывает читательскую рецепцию ефрейтора П. и обер-ефрейтора З.

Главные герои, перебирая возможные причины, из-за которых Эдип мог почувствовать себя виновным (сбросил сфинкса со скалы, попытался сбежать от своей судьбы, женился на женщине, которая была значительно старше его, и имел с ней детей), единогласно приходят к мнению, что царь не был виноват ни в чём, т. к. все его поступки были совершены из благих побуждений. Но тогда оставался вопрос о причинах, почему Эдип ощущал потребность в наказании.

Сперва обер-ефрейтор З. пытался понять вину Эдипа с точки зрения закона (для него закон и вина были нерасторжимыми понятиями), но пришёл лишь к вопросу о возможности быть виновным при отсутствии закона. Учитывая реалии того времени и сформировавшееся мировоззрение, солдат создаёт ситуацию, когда даже при наличии закона человек не может быть виновен: убивший сумчатую крысу-двуутробку, которой поклоняется некое негритянское племя, белый человек не подумает о своём поступке как о чём-то ужасном и не покарает себя собственными руками. Обосновывается это тем, что у белого человека совсем иные, более совершенные ценности, чем у дикаря, у которого *«у самого душа животного и он в убийстве крысы усматривает преступление, тогда как сам без зазрения совести пожирал человеческое мясо, о чём белый со своей стороны думает с ужасом и отвращением»* [2, с. 34]. Это в свою очередь объясняется расовыми различиями, так как немец позиционируется воплощением всего благородного, он был таким и будет, в то время как «дикарь» останется скотом и через тысячу лет. Из этого следует, что законы – это отражение внутренних ценностей, которые зависят от расового душевного склада, вследствие чего у разных рас разные понятия того, что является хорошим, а что – плохим. Таким образом обер-ефрейтор заключает, что белый человек не может чувствовать вину, нарушая закон дикарей, т. к. *«обладает законом высшей ценности»*. Ф. Фюман отмечает, что З. заменил «закон другой ценности» на «закон высшей ценности», не объяснив, кто, каким образом и по какому праву определяет степень высшего и низшего. При этом выделяется то, что белый человек не отвечает перед законом «дикарей», тогда как темнокожие люди подсудны законам белых, хотя они того или нет, как раз в силу того, что последние, по мнению З., являются обладателями «высших ценностей». Также отмечается, что *«Эдип объективно невиновен, а субъективно чувствует себя виноватым»*, что приводит к тому, что в случае Э. речь не идёт о столкновении между расовыми душами» [2, с. 37]. Таким образом, размышления о законе и вине не привели к пониманию ситуации Эдипа, как и разговоры о так называемых «расовых душах», однако показали, каким идеям были подвержены солдаты Германии в период Второй мировой войны.

Мысль, предложенную капитаном, который в своё время читал солдатам лекции по античной литературе, что Эдип, отказываясь терпеть свою судьбу, сам ведёт над собой суд и сам исполняет свой собственный приговор, поднимаясь тем самым над роком и демонстрируя дионисийский принцип морали, П. и З. отвергают.

Далее герои разрабатывают идею о том, что человек может быть виновным без вины, лишь по причине своего рождения. Рассуждения свои они иллюстрируют виной евреев: *«Чем виноват еврей, что родился евреем? Ничем, верно? Он был зачат, и рождён, и лежал в колыбели, и не совершил ничего дурного, а между тем лоб его уже отмечен несмываемым пятном,*

а именно самим фактом рождения. Он тут совершенно ни при чём. Такое пятно ничем не стереть, разве лишь смертью того, кто его носит, и, если вы не хотите появления новых пятен, надо, чтобы такие обречённые вообще не появлялись на свет» [2, с. 50]. Однако З. замечает, что данное размышление о «вине как объективной категории» сводится к существованию различных расовых душ и что и в таком смысле нельзя рассматривать трагедию Софокла. И всё же, проводя аналогию с «Царём Эдипом», солдаты замечают, что, если бы евреи сами себя кастрировали, тем самым не давая никакого потомства, т. е. наказывая себя за преступление, которое они не совершали, хотя вина лежит на них от рождения, то они бы могли сравниться с Эдипом, выколовшим себе глаза.

Последней теорией молодых людей становится то, что миф об Эдипе является мифом о крови. Таким образом, миф учил *«мифу о крови и её чистоте, мифу о крови в её высшем, аристократическом проявлении и в её крушении! <...> в предостережение и назидание всем себе подобным, дабы берегли они чистоту крови больше, нежели зеницу ока, дабы не смешивались с теми, кто ниже их кровью, и страшились самоосквернения» [2, с. 59].* В повести не упоминается, смогла ли данная версия удовлетворить интерес солдат, до конца объяснить им вину Эдипа. Однако далее читатель возвращается к фигуре капитана, а автор даёт понять, что капитан, взявший на себя роль профессора, действительно разбирался в истории античной литературы и понимал, что в головы подрастающего закладываются идеи, не имеющие ничего общего с наукой. Но капитан был слишком труслив, чтобы выступить с осуждением, и даже превозносил идеи, в которые не верил, потому что боялся, что его фигура привлечёт к себе внимание и вскроется то, что он сочувствовал заговорщикам, готовившим покушение на руководство рейха и потерпевшим крах.

Солдаты обращались к капитану, когда пытались осмыслить трагедию Софокла, предлагали ему свои теории, и единственное, о чём он мог думать, – это о том, что они несут чепуху, т. к. не существует ни расовой души, ни чего-либо неизменного. Он хотел бы сказать, что говорил только то, что одобрило бы руководство и что ему очень стыдно, но единственное, что он смог сделать, так это продолжать кивать, оправдывая себя тем, что он таким образом оберегал солдат от неведомого им до этого конфликта совести.

В конце произведения на капитана обрушивается осознание того, что он, как единственный не «ослеплённый», несёт самый тяжёлый груз вины, т. к. своим молчанием допустил все страшные преступления. Тогда же он даёт своё толкование Эдипа: *«Эдип – это символ столкновения двух эпох в истории человечества, ранней, примитивной ступени материнского права, когда отцеубийство не считалось преступлением, поскольку самое понятие отца как индивида начисто отсутствовало, и кровосмешение не выделя-*

лось из других видов смешения полов, а следовательно, ни о каком осквернении матери и речи быть не могло, – в столкновении этих двух эпох человеческой истории Эдип и был разломан, – в столкновении материнского и отцовского права» [2, с. 61]. По его мнению, наступает третья эпоха – эпоха человеческого права, и люди виновны в самой принадлежности к предыдущему времени. П. и З. ещё предстоит увидеть, что те, за кем они следовали, оказались палачами; рейх был каторжной тюрьмой, застенком, камерой пыток; их подвиги оказались чудовищными преступлениями, и что П. и З., молодым людям, которым не повезло родиться в кровавую эру войн и порабощения, накинут верёвку на шею представители новой эпохи. В то же время капитан ощутил себя Тиресием, знавшим всё, но молчавшим. Он хотел бы поговорить с П. и З., которые должны были играть Эдипа и Иокасту, но лишь махнул рукой и, зайдя в свою палатку, застрелился: так как рука его дрожала, два выстрела пришлись в оба глаза.

Подводя итоги, можно заметить, насколько нацистская идеология укреплялась в сознании молодёжи, искажая их восприятие: читатели «Царя Эдипа» Софокла, жившие в другое время, вряд ли бы стали искать в произведении древнегреческого драматурга «расовую душу» и идеи о «чистоте крови». Осмысление ошибок прошлого является необходимым шагом на пути к будущему, ведь только в таком случае «опыт прошлого способен дать уроки глубокого переосмысления мира и сделать возможным проникновение в противоречивость человеческой природы» [3, с. 149]. Ни П., ни З. не виновны в том, в какое время и где они родились, однако, так или иначе, их настигнет понимание и наказание. Тяжелый груз вины несли и те, кто своим молчанием допустил все то, что творилось в Германии во время правления Гитлера.

Библиографические ссылки

1. Шарытина Т. А. Франц Фюман: творческий путь в контексте эпохи // Новые российские гуманитарные исследования. 2011. № 6.
2. Фюман Ф. Избранное. Москва: Радуга, 1989.
3. Овчарова С. В. Преодоление прошлого в творчестве Ф. Фюмана // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Ч. III. № 4 (34). С. 149–151.